

Глава 17. Тихие люди.

Праздники отошли, а Аласов всё ещё продолжал ходить по гостям.

Началось с Гоши Кудайсова.

— Как там мама, выздоравливает?

— Выздоровела, — засиял Гоша. — Бегаёт уже... Собирается на ферму в доярки. Очень вас благодарит. Говорит — передай, чтобы в гости зашёл...

— Скажи, завтра зайду.

По слухам, моторист Антипин стал в последнее время прикладываться меньше, кто знает, может, и остепенится человек?

Побывав у Гоши, он на другой день решил заглянуть к Юрче Монастырёву, потом к Чомпосову, так и пошло.

К вечеру мороз прижал, полушубок на плечах казался лёгким пиджаком. Ычча! Холодище! Легли снега, но теплее не стало, якутская зима с каждым днём набирала силу.

Аласов остановился завязать наушники шапки.

— Доброго здоровья, Сергей Эргисович!

Пригляделся — за высоким плетнем стоял мужичонка в потрёпанной телогрейке, перепоясанный кушаком. Сосин? Ну да, тот самый математик, с которым были на охоте.

— Здравствуйте, Роман Михайлович. Вот вы куда забрались, оказывается.

— Да, забрались! — охотно согласился Сосин, воткнув вилы в снег, подышал на руки. — Раньше в учительском общежитии жили, возле школы, а потом вот построились. Свой домишко, хозяйство... Заходите, гостем будете.

Аласов продрог, — хоть погреться, что ли, несколько минут.

Сосин повёл гостя по дорожке к дому под лай пса, беснующегося у сарая.

— Вы не бойтесь, он у меня на привязи.

Дом у Сосина был поставлен как-то странно — своими боками словно закрывал от улицы подворье. На подворье могучими штабелями громоздились колотые швырковые дрова, в синеве вечера белели снежные шапки на стогах сена. Под стать самой избе высился амбар, он паровал, сизые клубы вились над крышей.

— За амбаром у нас свиной катушок. И хотон...

Судя по курганам навоза, в коровнике обитала отнюдь не единственная коровёнка. «Эк размахнулся дядя!» — отметил Аласов.

— Сюда, сюда, — вёл его хозяин. На ходу крикнул в открытую дверь хотона: — Акулина! Ну-ка выгляни на свет. Аку-улина!

— Чего разорался? — донеслось из недр коровника.

— Куля, выгляни, гость у нас.

— Что ещё за гость? — из коровника с деревянной лопатой в руках показалась толстуха — сама Акулина Евстафьевна.

Бог мой, что за картину являла собой учительница в эту минуту! Облезлая, выношенная до дыр заячья шапка, какое-то тряпьё вместо пальто, подхваченное волосяной верёвкой, задубевшие от навоза опорки на ногах...

В избе Сосиных было тесно: шкафы, шкафчики, какие-то одёжки на стене...

— Раздевайтесь, пожалуйста.

— Да я ведь на минутку. Тороплюсь я...

— И-и, никаких!

В большой комнате, треть которой занимала массивная кровать с горкой подушек мал мала меньше, Аласова усадили в почётный угол, к тёплой стене. Мальчик и девочка, очень похожие на хозяйку, глядели из дубовых рам на стене.

— Детки наши. Старшая в Якутске учится, парень в армии.

Выгоревшие за лето бумажные цветы на комод, зеркало, ковёр над кроватью. Аласов, греясь у тёплой стены, поглядывал вокруг — чего-то, казалось, недостаёт в этой комнате... Сразу и не сообразишь: книг не видно, вот чего! За дни хождения по избам Аласов уже привык к этой доброй примете наших дней: в любом доме, пусть самом бедном, есть книги. Где учебники, пёстрые детские книжки-раскладушки, где полочка с художественной литературой, а то и целый шкаф. Удивительное дело, у Сосиных ничего «бумажного», кроме цветов, — что же они, и газет не выписывают, что ли?

За дверью зашептались, что-то там звякнуло: чёрт побери, никак угощать собралась, взбрело же ему делать здесь «обогрев». Ходу отсюда!

Однако легко было подумать «ходу», — пока Аласов отбивался, на столе уже выстроились тарелки, чашки, рюмки. Акулина Евстафьевна оказалась расторопной хозяйкой. Успев снять своё тряпьё и причесаться, она загроздила собой выход, круглолицая и крутобёдрая.

— Будьте любезны, Сергей Эргисович, сделайте одолжение! По-людски бы, можно было приготовить и как следует, но разве с этим идолом... с моим добрым Романом... С ним ведь ни о чём нельзя по-человечески. Ещё по теплу я ему шею проела: пригласи Сергея Эргисовича, а он на меня кивает: ты приглашай...

— Ну, за знакомство! — перебил её хозяин, нетерпеливо постукивая рюмкой по столу. — Будем знакомы!

— Уже вроде бы знакомы, Роман Михайлович, — улыбнулся Аласов. — Как-никак целую четверть проработали в одном коллективе...

— Что четверть! — снова овладела инициативой за столом Акулина Евстафьевна. — Что четверть! Мы вот уже пять лет в этой школе, а всё как приезжие. И представьте — всё из-за этого... из-за Романа Михайловича. Будь мой муж человеком компанейским, мы бы, глядишь, уже в заслуженных ходили.

Где люди и узнаются, и сходятся, как не в доброй компании. Кто за хорошим столом сдружится, тому враждовать не захочется.

— Ну ладно тебе, — остановил свою половину Сосин. — Угощайтесь, ради бога, Сергей Эргисович.

— Вот едим мы сейчас мясо коровки, которая до самой осени доилась. Бедняжечка, такой молочной была... — в голосе хозяйки проникновенная печаль. — Не поверите, Сергей Эргисович, уже стародойная, а в день до десяти литров давала.

— Не хочешь ли ты сказать, что Эриэнчик я тебе хуже приобрёл? — обиделся захмелевший хозяин.

— Вот и хуже! Пусть Сергей Эргисович рассудит...

Хозяин хоть и препирался насчёт Эриэнчик, но за угощением следил исправно.

Наконец Аласов не выдержал:

— Всё, Роман Михайлович, я готов. Спасибо.

— Не пускай его, Роман! — закричала бдительная Акулина Евстафьевна из кухни. — Совсем почти ничего не съели...

Но Аласов был уже на ногах. Он шёл на решающий прорыв, понимая, что если сейчас не отобьётся, то не выпустят они его до глубокой ночи.

— Бегу, товарищи! Спасибо за угощение.

— Какое это угощение! — отвечала польщённая Акулина Евстафьевна. — Вот будем чаще ходить друг к другу, вы ещё узнаете, как мы хороших гостей потчуем. Как у нас, у якутсв, говорят: гостя на ладошку посади... Спасибо, что заглянули, а то есть некоторые — уж очень возносятся! Вроде Пестряковых — сколько раз их приглашали... Вот директор — добрый человек, ест и пьёт у нас охотно...

— Тимира Ивановича не вини, — возразил хозяин. — Ты его не вини, Тимир Иванович отличный человек, я люблю его. Это жена у него стерва: идёт — нос к потолку... А он добрый человек. Во всяких школах мы побывали, слава богу, видели начальство. Не-ет, Пестряков хоть строг, но жить с ним можно. У Пестрякова этот бандит Нахов на своей хромой ноге особенно не распляшется!

Аласов даже спиной почувствовал всю силу ненависти, с какой в этом доме говорили о Нахове.

— А что вам Нахов? Не поладили? — спросил он.

Но Акулина Евстафьевна отгёрла своего мужа, затараторила примирительно:

— Что нам ладить с ним или не ладить? Мы люди тихие. Если что, лучше обойдём сторонкой... Вы ведь с этим Наховым, не в обиду будет сказано, Сергей Эргисович, вроде бы друзья-приятели. У Майи Унаровой вместе праздновали...

В нашей маленькой деревне и дворы общие и дымь смешанные, всё известно... Да я не в укор вам, хотя, как старшая по годам, и поостерёгла бы вас... Этот Нахов ой-ой что за птица!

Аласор не удержался:

— Чем-нибудь напугал вас?

— Не напугал! Не напугал, Сергей Эргисович. Нам, слава богу, пугаться нечего. А вот слышали бы вы, что он в прошлом году на педсоветах болтал. «Иным учителям, — говорит, — свиньи дороже учеников». Это надо же! А молодой дурачок Сектяев...

— Ну и что же? И такие встречаются.

— ...а дурак Сектяев начал щерить свои редкие зубы и на нас пальцем тыкать. — Акулина Евстафьевна с разбегу не сразу остановилась, но постепенно смысл замечания гостя дошёл до неё. — Как это «встречаются»?

— Я говорю, что верно Нахов подметил — есть и такие учителя. Словом, будьте здоровы.

Хозяева ничего ему не ответили. Сосин угрюмо глядел себе под ноги.

— Мы люди тихие и мирные, — сказала Акулина Евстафьевна очень внятно. — Мы, Сергей Эргисович, не враждуем с теми, кто нас не задевает. Но, говорят ведь, что и самую смирную коровку не надо дразнить, боднуть может... До свиданья, спасибо, что зашли.

До ворот Аласова никто не провожал.